

УДК 94:321.1(35)

doi 10.17072/2219-3111-2021-1-118-128

Ссылка для цитирования: *Ладынин И. А.* «Мировые державы» Ближнего и Среднего Востока I тыс. до н.э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1(52). С. 118–128.

«МИРОВЫЕ ДЕРЖАВЫ» БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА I ТЫС. ДО Н.Э. В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СХЕМАХ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДРЕВНОСТИ¹

И. А. Ладынин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3

ladynin@mail.ru

iladynin@hse.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

ResearcherID: J-3968-2016

Scopus Author ID: 39764478000

В I тыс. до н. э. на Ближнем Востоке возникают и сменяют друг друга крупные межрегиональные государства («мировые державы», империи), что было замечено еще в древности и средневековье. В отечественной литературе под влиянием французского египтолога Г. Масперо к осмыслению их истории обращались Н.И. Кареев и Б.А. Тураев. В советское время предпосылки образования таких государств были обозначены В.В. Струве, их значимость констатировалась в теоретических схемах С.И. Ковалева и О.В. Кудрявцева, однако с максимальной полнотой была осмыслена И.М. Дьяконовым в сотрудничестве с Н.Б. Янковской и В.А. Якобсоном. Эти ученые отмечали следующие предпосылки возникновения таких держав: потребность ряда государств на рубеже II и I тыс. до н.э. в захвате рабов; разделение труда между производящими и потребляющими сырьем странами, которое порождало их интеграцию в рамках единой военно-политической инфраструктуры; наступление железного века, сделавшее возможным создание таких государств и поддержание их длительного существования благодаря совершенствованию средств насилия; наличие у государств ближневосточной периферии сильных армий; потребность ряда государств в наращивании прибавочного продукта извне в условиях исчерпания внутренних ресурсов для этого. В постсоветское время В.А. Якобсон указывал на сохранение внутри империй противостоявших им структур гражданского общества (городских общин). Рассматривается влияние на эти теоретические схемы как личных убеждений их создателей, так и факторов идеологии, которые действовали на разных этапах советской истории.

Ключевые слова: межрегиональные государства, Ближний и Средний Восток, древность.

Одной из важнейших тенденций в истории Старого Света I тыс. до н.э. – первых веков н.э. было образование крупных государств, каждое из которых включало в свой состав целый ряд географических регионов и исторических областей и которые часто обозначаются в современной отечественной литературе как «мировые державы», или империи. Раньше и, пожалуй, отчетливее всего эта тенденция стала заметна на Ближнем и Среднем Востоке, со времени его широкой интеграции в составе Новоассирийской державы в VIII–VII вв. до н.э. Ее крушение в 610-х гг. до н.э. показало, что само явление такой интеграции не случайно: Ассирию сменили именно в качестве межрегиональных держав Мидия и Нововавилонское царство, а в середине VI в. до н.э. их поглотила простиравшаяся от Эгеиды и Ливии до Инда персидская держава Ахеменидов, «двойником» которой стала затем держава Александра Великого. Эту тенденцию заметили и осмыслили уже ее свидетели: так, для древних греков Ближний и Средний Восток едва ли не с начала времен был единым «царством Азии», власть в котором переходила от одного народа к другому, причем наследницей этого государства, также осуществившей небывало широкую интеграцию, стала римская держава. Аналоги этого представления были и у восточных

народов I тыс. до н.э., а далее его унаследовала христианская традиция (см. [Ladynin, 2011, с отсылками к литературе; Lotito, 2019, р. 42–48]). В XIX в., на этапе становления науки о древности, эти исконные для европейской мысли мотивы были подкреплены вновь открытыми древневосточными источниками, и явление «мировых держав» стало поводом для исследовательской рефлексии.

Анализ этой рефлексии в мировой историографии был бы, конечно, полезен, но превышает задачи одной статьи (см. отсылки к основным публикациям начиная с последней четверти XX в. [Goldstone, Haldon, 2009]). Что касается отечественной историографии, то в советское время, которому будет уделено наше основное внимание, детерминантой исторического процесса признавался, как известно, прогресс экономики и производственных отношений. Советские ученые не могли не заметить такого явления, как «мировые державы», однако были должны оценить его в категориях марксизма, как часть политической «надстройки» над социально-экономическим «базисом», и отдавая дань иным идеологемам их времени.

Определенной основой для обращения к данной проблеме еще в русской дореволюционной науке стал труд французского египтолога Г. Масперо «Древняя история народов классического Востока» – один из первых опытов обобщения накопленного за XIX в. материала источников по древнему Ближнему и Среднему Востоку [Maspero, 1895–1899]. Масперо не утяжелял свой трехтомный труд особыми теоретическими экскурсами, но его концепция очевидна из самого расположения и изложения в нем фактического материала. Первый том посвящен началу истории Египта и Месопотамии в III – первой четверти II тыс. до н.э. как сравнительно изолированных культур. Во втором томе характеризуется этап, на котором история Ближнего Востока обретает системность, начиная с XVIII–XVII вв. до н.э. (с «первой вавилонской империи» Хаммурапи и с появления гиксосской сферы влияния с центром в Египте) и включая «Поздне-бронзовый век» в нынешней терминологии – вторую половину II тыс. до н.э., когда весь ареал Ближнего Востока был поделен тремя великими державами (Египтом и сначала Митанни и касситской Вавилонией, а затем Хеттским царством и Ассирией). Наконец, в третьем томе идет речь о собственно «мировых державах» начиная с возвышения Ассирии в IX в. до н.э.: в нем выделены такие важнейшие вехи их эволюции, как реформы Тиглатпаласара III, становление после гибели Ассирии иранского «царства стран», создание его инфраструктуры Дарием I и т.д. Расставленные Г. Масперо акценты не утратили значения до сих пор, а суть исторического процесса на Ближнем и Среднем Востоке III–I тыс. до н.э. он явно видел в нарастании системности во взаимодействиях внутри этого региона вплоть до его полной политической интеграции. Вместе с тем Масперо различает ее качество при восточных и сменивших их эллинистических царях: завоевание Александра и смерть Дария III обозначили «конец старого восточного мира».

Труд Масперо внимательно прочли русские ученые конца XIX–начала XX в. Н.И. Кареев в своих курсах всеобщей истории и Б.А. Тураев в некоторых своих обобщениях также утверждали, что межрегиональная интеграция была характерной чертой древнего Ближнего и Среднего Востока («древнего», или «классического», Востока в терминологии того времени) в отличие от замкнутых на себя Индии и Китая [Тураев, 1892, с. 285; Кареев, 1903, с. 8–9; см. также: Ладынин, 2019, с. 796–797]. Согласуются со схемой Масперо представления Тураева об этапах нарастания системности на Ближнем и Среднем Востоке: отмечая ее впервые при Хаммурапи, он выделял затем этапы египетского и ассирийского (начиная с XIII в. до н.э.) преобладания и, наконец, интеграции всего региона в составе Персидской державы Ахеменидов [Тураев, 1892, с. 286]. Не слишком акцентируя этот момент, Тураев считал значимым в смене этих этапов фактор этноса («расы»): если приход семитов в Месопотамию подвел итог генезису там цивилизации и был ознаменован появлением «идей монархии, выходящей за пределы одного народа и имеющей универсальные стремления» [Тураев, 1935, т. 1, с. 93], то гибель Ассирии и создание более обширного и прочного объединения с опорой на Иран связывалось с тем, что «на горизонте появился новый свежий элемент» в лице «арийских» народов [Тураев, 1935, т. 2, с. 80; ср. т. 1, с. 70]. Особую позицию занял Р.Ю. Виппер, считавший важнейшим творческим началом в истории небольшие по размерам (как изучавшаяся им община Женева раннего Нового времени) демократические структуры. Не делая большого различия между ранними общерегиональными государствами Ближнего Востока и империями I тыс. до н.э. (включая эллинисти-

ческие царства и Римскую империю), Виппер видел во всех них нечто косное, губившее древнейшие «теократические общины» реальных создателей человеческой культуры (см. с подробными отсылками [Алмазова, 2019, с. 268–275]).

Разговор об изучении этих вопросов в советской науке стоит начать с тезиса о «типе военного рабовладельческого общества», сформулированного В.В. Струве в рамках концепции рабовладельческого способа производства на древнем Востоке на материале Хеттского царства. В марте 1933 г., приступая к работе в составе так называемой «бригады по изучению способа производства» сектора рабовладельческой формации Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Струве планировал оспорить мнение Эд. Мейера о том, что «на Востоке вовсе нет той интенсивной потребности в рабах и той жадной погони за людьми, которые так характерны для позднейшей римской республики» (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 34. Л. 15; ср. [Струве, 1934, с. 57, 72, прим. 108]). Спустя год в небольшом очерке ученый высказал мысль о том, что военнопленные, многократно упоминаемые в хеттских текстах как эксплуатируемые, были рабами (позднее хеттологи увидели в них скорее крепостных, см. [История древнего мира, 1989, т. 1, с. 229–231]), их приобретение было важнейшей целью войн хеттов и тем самым «хеттское общество имеет полное право на видное место среди рабовладельческих военных обществ древности – Египта нового царства, ассирийского и халдского государств и, наконец, Рима» [Струве, 1934, с. 55; см. в целом с. 45–66]. Явной моделью такого общества был Рим, но ее экстраполяция была максимально широкой, что обосновывало принципиальное сходство эксплуатации рабов по всей ойкумене (как видно, в рамках этого определения Струве «свалил в кучу» очень разные общества).

Однако вскоре более нюансированное применение этого определения предложил во введении к подготовленной ГАИМК «Истории древнего мира» ее редактор С.И. Ковалев. По его мнению, на древнем Востоке (речь шла, конечно, о Ближнем и Среднем Востоке) можно выделить два типа обществ: основанные на ирригационном земледелии долин великих рек и периферийные, сложившиеся в горных районах Ирана и Малой Азии, где имелись богатые месторождения металла и проходили караванные пути. Если в первых, при наличии «рабовиноплеменников», принципиальную роль играло все же превращение свободных общинников «в бесправную и лишенную средств производства массу рабов-должников», то во вторых шло сложение «хищнических военных государств типа хеттского или ассирийского», захватывавших рабов как для себя, так и «для всего древневосточного рынка». Характеризуя население этих регионов как «воинственные племена охотников и скотоводов», Ковалев, возможно, имел в виду, что и черты племенного строя у них были более стабильными [История древнего мира, 1937, с. 7–8]. Казалось бы, такая типология древних обществ Ближнего и Среднего Востока не связана прямо с проблематикой «мировых держав», однако она сказалась на ее разработке позднее, а сама по себе сформировала сложную и при некоторых поправках адекватную картину взаимодействия обществ этих двух типов. О «мировых державах» I тыс. до н.э. Ковалев говорил, что, будучи порождены экономическими связями и благоприятными природными условиями (в частности, наличием удобных караванных и водных путей), они в итоге распались (Ассирийская держава – «так как ее экономическая база была слишком непрочной, а момент внеэкономического принуждения слишком сильным», Персидская – «под ударами более сплоченного греко-македонского общества»). В эллинистических державах «экономическое, политическое и культурное объединение античного Востока достигло своей высшей точки», и, наконец, самым прочным надрегиональным образованием, в котором достигли высшего уровня все характерные черты древности, стала римская держава [История древнего мира, 1937, с. 9–10, ср.: Ковалев, 1936, с. 6–9]. Как видно, для Ковалева возникновение «мировых держав» было сущностной чертой истории древности в I тыс. до н.э. – первых веков н.э., причем оно не было вульгарно привязано к факторам роста эксплуатации и классовой борьбы.

Однако у позиции С.И. Ковалева нашелся необычайно влиятельный оппонент. Еще в 1913 г. в статье «Марксизм и национальный вопрос» И.В. Сталин заметил, что «великие государства Кира или Александра... были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя» [Сталин, 1946, с. 292]. Более развернуто эта формулировка была повторена в 1950 г. в «Марксизме и вопросах языкознания»: «Я имею здесь в виду не империи рабского и

средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки» [Сталин, 1953, с. 12]. Арест Ковалева в 1938–1939 гг. [Дьяконов, 1995, с. 449–450] и критика подготовленного им издания (правда, не коснувшаяся его позиции по «мировым державам» [Отчет..., 1938; Авдиев, 1938]) показали, что в вопросах теории нужна крайняя осторожность. Неудивительно, что если написанный В.В. Струве для «гаимковской» «Истории древнего мира» раздел о державе Ахеменидов завершался, в согласии с Ковалевым, словами о подготовленности ее возникновения «ассирийским объединением» и о наличии в ее основе «рынка» [История древнего мира, 1937, с. 436], то через несколько лет в собственном учебнике «История древнего Востока» Струве «на том же самом месте» говорил о непрочности персидского государства и цитировал Сталина (кстати, ошибочно называя его статью «Марксизм и национально-колониальный вопрос») [Струве, 1941, с. 388, прим. 1]. Думается, что невнимание советских ученых к «мировым державам» в конце 1930-х – начале 1950-х гг. объяснялось не только словами Сталина, но и периферийностью этой проблематики на фоне первостепенных для теории вопросов «соцэка» и классовой борьбы.

Видимо, отдаленным и уже анахронистичным «рефлексом» сталинских цитат нужно считать тезис А.С. Шофмана о «конгломератном» характере таких государств, как Новоассирийская держава, Персидская держава Ахеменидов и держава Александра Великого [Шофман, 1984, с. 28–31]. По мнению ученого, их общими чертами были возникновение вследствие завоеваний, успех которых зависел от конъюнктуры, удовлетворение «алчных appetитов рабовладельческой знати» (прежде всего обеспечение притока рабов), «отсутствие общей экономической основы, мирового рынка и хозяйства, что лишало мировое государство длительной жизнеспособности», и «быстрорастущие противоречия между народными массами и господствующей верхушкой». При этом срок существования таких держав постепенно сокращался («Ассирийское мировое объединение складывалось в течение шести веков, Персидское мировое государство – около двух веков, империя Александра Македонского – около десяти лет»), и пропорционально этому убыстрялся их распад: в основе этой закономерности лежало назревание потребности в создании «более прочной политической организации, чем конгломератное государство», каковым стали эллинистические монархии. По-видимому, в построении Шофмана учтены сразу несколько позиций, усвоенных им еще в начале своего научного пути: суждения Сталина о «государствах Кира и Александра» как «конгломерате племен и народностей» (наверное, воспроизводимые уже по инерции и не вполне осознанно), мнение Ковалева о более высоком качестве эллинистических монархий по сравнению с восточными и, наконец, общая позиция раннесоветской науки, согласно которой государства древности прежде всего обеспечивали приток и эксплуатацию рабов (ср. с выделением Струве «военных рабовладельческих обществ»)². Уязвимость этого построения состоит именно в совмещении в нем несовместимых позиций: нельзя понять, как объективные, в том числе экономические, предпосылки единства «мировых держав» могли сложиться за очень короткий период генезиса эллинизма, если отрицать их наличие ранее.

Некоторое новое звучание еще на «сталинском» этапе развития историографии проблематика «мировых держав» получила в начале 1950-х гг. в наметках к новому проекту «Всемирной истории». О.В. Кудрявцев – «идеолог» ее томов по древности – делил всю историю «рабовладельческого общества» на два этапа, архаический и классический (с рубежом по VII в. до н.э.), причем на обоих было значимо взаимодействие центра (более древних и развитых обществ) и периферии [Кудрявцев, 1952, с. 8–9; 1957, с. 259–262]³. На финал первого этапа пришла не получившая особой оценки история Новоассирийской державы [Кудрявцев 1957, с. 269], но на втором этапе возникли сначала Мидийское и Персидское царства – государства периферии, успешно наступавшие на страны центра (Вавилонию и Египет), а затем и эллинистические царства, в рамках которых народы Востока сформировали «внутреннюю периферию» нового, античного, центра ойкумены. Эти несколько риторические формулировки сосед-

ствуют со словами о рыхлости державы Ахеменидов даже после реформ Дария I, скорее всего, восходившими все к тем же словам Сталина [Кудрявцев, 1957, с. 275, 283].

Между тем отказ от них в пользу признания «мировых держав» I тыс. до н.э. неслучайным явлением мы находим именно во «Всемирной истории», в общих разделах по древнему Востоку, написанных И.М. Дьяконовым и Г.Ф. Ильиным, причем ряд постулатов развил затем первый из этих ученых. Несмотря на значимость перехода к железному веку на Ближнем и Среднем Востоке на рубеже I и II тыс. до н.э., его древнейшие общества вступили «в полосу временного кризиса» из-за развития ростовщичества и внутренней борьбы в классе рабовладельцев. Способом преодолеть этот кризис было расширение доступа к периферийным областям, откуда «передовые земледельческие страны получали необходимое им рудное и другое сырье»⁴, а также рабов, которых стало не хватать. Эти задачи решали «крупные рабовладельческие государства», возникавшие при обращении завоеванных стран не в вассальные владения, как во II тыс. до н.э., а в провинции [Всемирная история, 1955–1965, т. 1, с. 473–475]. Их появление вызвало в I тыс. до н.э. рост рабства, распространение царской собственности на всю землю покоренных стран (ср. [Дьяконов, 1949, с. 87]), обращение сельской общины в зависимость от царей, а также создание системы привилегированных городских общин, служившей инфраструктурой межрегионального обмена [Всемирная история, 1955–1965, т. 2, с. 20–21].

Это еще скупо очерченное построение принадлежало, без сомнения, И.М. Дьяконову (см. [Дьяконов, 1963, с. 33]): стоит обратить внимание на его же указания, что к сути своих теоретических взглядов он пришел рано⁵. Выделение среди обществ Ближнего и Среднего Востока центра и периферии – древнейших ирригационных цивилизаций и сырьевых районов (ср. [Дьяконов, 1949, с. 10]) – напоминает типологию С.И. Ковалева, чьи лекции Дьяконов, еще будучи студентом, ценил высоко⁶. Роль «мировых держав» в обмене между «центром» и «периферией» и их заинтересованность в контроле над ним были уяснены им самим на ассирийском материале [Дьяконов, 1949, с. 38–39, 41–42, 85–87], а также отмечены в докторской диссертации его старшего брата М.М. Дьяконова [Дьяконов, 1961, с. 155–156]; характер этого обмена в рамках Новоассирийской державы был изучен его ученицей Н.Б. Янковской [Янковская, 1956; см. Дьяконов, 1963, с. 33, прим. 89; 1971, с. 133; Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 8]. К выявлению особой роли в I тыс. до н.э. привилегированных городских общин Дьяконова помимо собственных наблюдений, подвели работы Г.Х. Саркисяна [Саркисян, 1952, 1960; ср. Дьяконов, 1963, с. 33, прим. 91; 1970, с. 133]⁷. Однако если вначале ученый выделял в качестве фактора генезиса «мировых держав» скорее потребность в межрегиональном обмене, то в работах 1980-х гг., где взгляды на эту проблему Дьяконова и его соавторов (В.А. Якобсона и Н.Б. Янковской) выразились особенно обязывающе, произошла «переакцентировка». По сути дела, на первый план вместо фактора обмена между «периферией» и «центром» («подразделениями общественного производства – первым (производство средств производства)⁸ и вторым (производство предметов потребления)») [Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 8; История древнего мира, 1989, т. 2, с. 13] вышел фактор кризиса на Ближнем Востоке конца II тыс. до н.э., о котором во «Всемирной истории» говорилось кратко. Теперь вырисовалась целая его модель, согласно которой к этому времени растущий господствующий класс исчерпал возможности эксплуатации собственного населения, не мог интенсифицировать производство и обрел «дополнительные источники прибавочного продукта» с территорий в составе империй – через взимание дани, обращение в зависимость их населения и контроль над торговыми путями [Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 7–8; История древнего мира, 1989, т. 2, с. 9–15]. Похоже, при этом ученые-месопотамисты ориентировались на пример касситской Вавилонии XVI–XII вв. до н.э., где государственная эксплуатация действительно была распространена на все население, т.е. до предела, и, кстати, появились характерные уже для I тыс. до н.э. самоуправляющиеся города [История древнего мира, 1989, т. 1, с. 201–202].

Уязвимость этой модели состоит в том, что во II тыс. до н.э. рост аппарата управления и элиты вплоть до исчерпания ресурсов его обеспечения был мыслим лишь в странах речной ирригации с мощной бюрократией («центра» ближневосточной ойкумены – первого или второго путей развития в типологии Дьяконова [История древнего мира, 1989, т. 1, с. 35–48]) и тогда именно они должны были бы создать «мировые державы». Между тем практически в том же контексте давалось верное уточнение: их создавали страны не «центра», а как раз «периферии»

Ближнего Востока – «государства, обладавшие наилучшими армиями», первым из которых была Ассирия [Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 8–9; История древнего мира, 1989, т. 2, с. 16]. Действительно, в I тыс. до н.э. страна первого пути развития – Нижняя Месопотамия – была метрополией лишь Новоавилонской державы, причем реально ее создал пришлый на этой территории, изначально как раз «периферийный» этнос южных арамеюв (халдеев).

Трудно установить причины такой «переакцентировки», приведшей Дьяконова и его коллег к противоречию, однако стоит учесть, что в академической «Истории древнего Востока» и трехтомной «Истории древнего мира» их суждения представляли официальную позицию советской науки. По ее канонам было проблематично акцентировать в генезисе «мировых держав» фактор межрегионального обмена, а не потребность господствующего класса древних обществ в расширении эксплуатации⁹. Правда, из этой модели был изгнан раннесоветский и еще заметный во «Всемирной истории» мотив пресловутой «погони за людьми», подтверждавший чисто рабовладельческий характер обществ и государств древности, а деятельность «мировых держав» была обрисована весьма нюансированно. Само же их возникновение было признано не результатом конъюнктуры, а необходимым явлением I тыс. до н.э., тесно связанным с переходом к железному веку (в том числе с прогрессом «средств насилия», позволявших теперь удерживать обширные территории [История древнего мира, 1989, т. 2, с. 5–9]): хотя избыточный рост империй и нарушал их стабильность, но «вслед за падением одной империи сейчас же возникала другая» [Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 10; История древнего мира, 1989, т. 2, с. 17]. Итогом этих штудий Дьяконова стало определение им уже в 1990-е гг., в контексте продекларированного отказа от марксизма всего «второго периода древней истории» (с начала железного века) как «имперской древности», но теперь пресловутый кризис конца II тыс. до н.э. ученый связал с исчерпанием государствами «центра» возможностей не наращивания эксплуатации, а просто поступательного роста экономики [Дьяконов, 1994, с. 44–55]. Противоречивость допущения о кризисе этим не снялась, а усугубилась: пределом, после которого дальнейший рост был невозможен, Дьяконов назвал освоение «железной руды» [Дьяконов, 1994, с. 44], однако оно интенсифицировало экономику на порядок и само по себе, независимо от создания империй, так что необходимость в них после этого именно для роста экономики была неочевидна¹⁰.

В постсоветское время по проблемам истории «мировых держав» был сделан ряд важных, хотя и частных, уточнений. М.А. Дандамаев обратил внимание на примитивность инфраструктуры Мидийской и Новоавилонской держав по сравнению с инфраструктурой держав Новоассирийской и Ахеменидов, на преемственность между двумя последними как в организации, так и в идеологии, а также на «мягкий идеологический климат», в котором жили подданные Ахеменидов [Дандамаев, 1998]. В новом издании «Всемирной истории» А.А. Немировский отметил роль в структуре ранних империй (Новоассирийской, Мидийской) вассальных владений, значение купеческой инициативы для расширения имперского ареала, наличие в I тыс. до н.э. таких явлений, как «имперский народ» (Ашшур и соседние с ним общины в Новоассирийской державе, иранцы в державе Ахеменидов) и «имперский язык» (арамейский), а также особые идеологические доктрины (священных войн у ассирийцев, покровительства Ахурамазды царям – у персов; см. также указанную статью Дандамаева) [Всемирная история, 2011, с. 251–255]. Закономерно, что значительная часть этих акцентов была расставлена применительно к мировоззрению «мировых держав», занимавшему в советских исследованиях подчиненное место. Однако продолжить разработку «имперской» проблематики как части общей концепции, созданной И.М. Дьяконовым, попробовал лишь его соавтор В.А. Якобсон. Справедливо соотнося образование империй с «осевым временем», отмеченным, согласно К. Ясперсу, коренными переменами в мировоззрении людей [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 24–25; ср.: История Востока, 1997, с. 579–587]¹¹, он уделил внимание прежде всего взаимодействию империй и общин внутри них. Важнейшая и для Дьяконова дихотомия государства и общины на древнем Востоке приобрела для Якобсона этическую окраску (по некоторой аналогии с давними взглядами Виппера, впрочем, едва ли повлиявшими на ученого). По его мнению, община была в древности (в том числе на Востоке) ячейкой гражданского общества [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 23–24; ср.: История Востока, 1997, с. 22–23]; более того, если ее институт свойствен человеку биологически, то государство формируется лишь в условиях цивилизации («община есть явление природы, а государство – явление культуры»), что обуславливало «вражду» между ними

[Якобсон, 2004, с. 125¹², ср.: Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 23]. Имперская идеология миродержавия, по мысли Якобсона, возникла задолго до самих империй (в Месопотамии – еще при Аккадской династии в XXIV–XXIII вв. до н.э.) и немедленно породила «контридеологию» сопротивления имперским тенденциям [Якобсон, 2004, с. 128]. Очагами такого сопротивления, в том числе в эпоху империй, были общины городов, причем, стремясь показать их силу в этом и суверенитет по отношению к царской власти, Якобсон прибегал к прямым натяжкам. Так, приводя примеры поставления Хаммурапи на царство общинниками в завоеванной им Эшнунне (отказ в котором, по смыслу самого приведенного пассажа источника, легко компенсировался бы назначением наместника) и мятежника Шузубу в Вавилоне времени Синаххериба, Якобсон как будто не заметил, что в обоих случаях речь идет о чисто формальных, обусловленных лишь традицией действиях, во втором случае еще и нужных для легитимации антиассирийского мятежа [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 28]¹³.

Подводя итог нашему обзору, отметим, что главный вклад в разработку проблематики «мировых держав» Ближнего и Среднего Востока в отечественной историографии внесли И.М. Дьяконов и его соавторы. Они убедительно определили сам тип «мировых держав» I тыс. до н.э., отграничив их от более ранних образований, показали закономерность их возникновения и его связь с ситуацией железного века и с потребностями этого времени в межрегиональном обмене. Правда, необходимость и желание отдать дань определенной идеологии деформировали их построения по крайней мере дважды – в 1980-е гг., при создании модели кризиса на Ближнем Востоке конца II тыс. до н.э., и в постсоветское время, при оценке В.А. Якобсоном самостоятельности общин городов во взаимодействии с царями. При этом странным образом был оставлен в стороне важнейший и, безусловно, известный этим исследователям фактор исторического развития Ближнего и Среднего Востока в начале железного века – интенсификация экономики и резкое повышение ее товарности. Нет сомнения в том, что войны Ассирии в IX–VIII вв. до н.э. мало отличались по своим предпосылкам и целям от ее же войн во II тыс. до н.э., нацеленных на захват добычи и взимание дани с вассалов. Однако на этом этапе, с одной стороны, значительно увеличились военно-технические возможности удержания обширных территорий, причем в качестве не вассальных владений, а подчиненных провинций, а с другой – возросла экономическая интеграция состоящего из них пространства благодаря росту ремесла и торговли. В итоге сначала Ассирии удалось впервые создать военно-административную инфраструктуру империи, а затем, при падении Ассирии, оказалось, что этой инфраструктуре «нет резона» исчезать, и ее воспроизводили и совершенствовали последующие государства. Разумеется, закономерности этого процесса и его конкретные проявления подлежат дальнейшему подробному изучению, основой которого могут и должны стать разработки И.М. Дьяконова с некоторыми оговоренными нами уточнениями.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-41014 «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.»

² К сожалению, нам недоступна ранняя работа А.С. Шофмана, опубликованная в период эвакуации в Ашхабаде на туркменском языке [Шофман, 1943] и, возможно, проясняющая вопрос о связи его построения с указанными позициями. См. о значимости для Шофмана (в том числе для разработки тематики державы Александра) лекций С.И. Ковалева в ЛГУ в 1930-е гг. [Шофман, 2009, с. 389–390].

³ Вторая из этих статей – текст доклада при обсуждении проспекта «Всемирной истории» в Институте истории АН СССР в 1951 г. [Кудрявцев, 1957, с. 257, прим.]; первая статья (передовая «Вестника древней истории») аннотирует этот доклад.

⁴ По мнению Дьяконова, обмен с ними стимулировался специально, однако причины этого он объяснял по-разному: если во «Всемирной истории» он писал, что, развив собственное хозяйство, они в I тыс. до н.э. уже не нуждались в импорте из старых цивилизационных центров [Всемирная история, 1955–1965, т. 1, с. 474], то в дальнейшем, напротив, утверждал, что необходимости в таком импорте в эти районы не было из-за неразвитости там товарного хозяйства [Дьяконов, 1970, с. 133; ср.: Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 9; История древнего мира, 1989, т. 2, с. 15].

⁵ См. о его кандидатской диссертации 1946 г. [Дьяконов, 1949], выросшей из «последнего большого студенческого доклада»: «В этой работе была заложена моя концепция истории древнего Востока как обще-

ства, основанного не столько на рабстве (хотя и на нем тоже), сколько на общинном землевладении» [Дьяконов, 1995, с. 730–731].

⁶ «...Рабовладельческий характер общества, утверждавшийся им... получался гораздо убедительнее» (чем у В.В. Струве. – И.Л.) [Дьяконов, 1995, с. 263].

⁷ По мнению М.М. Дьяконова, эффективность восточных городов в поддержании межрегионального обмена была ограничена, и в полной мере с этой ролью стали справляться лишь эллинистические полисы [Дьяконов, 1961, с. 155–157]. В построениях И.М. Дьяконова этот нюанс не заметен.

⁸ Таковыми признавались сырье и скот, поступавшие с периферии в центр.

⁹ Ср. с готовностью И.М. Дьяконова в 1970–1980-е гг. включить свои оценки социально-экономического строя древнего Востока в общее понятие рабовладельческого способа производства (например, [Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 3]), вопреки сомнениям в этом ранее [Дьяконов, 1968, с. 37].

¹⁰ Данное противоречие, строго говоря, имелось и в модели, предложенной Дьяконовым и его коллегами в 1980-е гг., но там оно было затушевано, поскольку достижение обществами Ближнего Востока пределов роста, обусловивших необходимость в создании империй, было отнесено к «все еще» бронзовому веку конца II тыс. до н.э. (хотя, вопреки этому, сам указанный процесс относился уже к железному веку).

¹¹ Сопоставление этих публикаций (во второй из них В.А. Якобсон был ответственным редактором, а также автором цитируемых разделов) показывает, что основные идеи и, вероятно, инициатива первой из них (в соавторстве с И.М. Дьяконовым) явно принадлежат ему.

¹² Данная статья, по жанру близкая к публицистической заметке, была изначально подана в «Вестник древней истории» (см. [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 24, прим. 5]), но в итоге опубликована в сборнике Института востоковедения РАН с менее строгой процедурой научного редактирования.

¹³ Эти аргументы исходят явно от В.А. Якобсона: И.М. Дьяконов, говоря о высокой социально-экономической роли городских общин на Ближнем Востоке I тыс. до н.э., не приписывал им политического влияния, противостоящего власти царей и, тем более, превышающего ее.

Список источников

Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, (РО НА ИИМК).

Библиографический список

- Авдиев В.И. Рец. на: История древнего мира. Т. 1: Древний Восток. М., 1936 // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 120–126.
- Алмазова Н.С. Единая концепция истории древности Р.Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода // Аристей. 2019. Вып. 20. С. 260–283.
- Всемирная история: В 10 т. М.: Госполитиздат, 1955–1965.
- Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М.: Наука, 2011. 822 с.
- Дандамаев М.А. Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 48–56.
- Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 152 с.
- Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 1. С. 16–34.
- Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 1968. № 4. С. 3–40.
- Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества (Реферат на материале Западной Азии) // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М.: Наука, 1971. С. 127–146.
- Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: Наука, 1994. 384 с.
- Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Европ. дом, 1995. 766 с.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», полисы и империи: Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3–16.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Гражданское общество в древности // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 22–30.
- Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 444 с.
- История Востока. Т. 1: Восток в древности. М.: Вост. лит., 1997. 688 с.
- История древнего мира. Т. 1: Древний Восток. М.: Соцэкгиз, 1937. 445 с.
- История древнего мира. 3-е изд. М.: Наука, 1989. Т. 1–3.
- Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории: Учебное пособие для среднего образования. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1903. XXVI. 148 с.

- Ковалев С.И.* История античного общества. Ч. 2: Эллинизм, Рим. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 318 с.
- Кудрявцев О.В.* История древнего мира во «Всемирной истории», подготовляемой Академией Наук СССР // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 3–16.
- Кудрявцев О.В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 411 с.
- Ладынин И.А.* Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. // Вестник древней истории. 2019. Т. 79/3. С. 772–796.
- Отчет об обсуждении книги о древнем Востоке // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 111–119.
- Саркисян Г.Х.* Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 68–83.
- Саркисян Г.Х.* *Тигранакерт*: из истории древнеармянских городских общин. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 158 с.
- Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. Т. 2. 427 с.
- Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1953. 55 с.
- Струве В.В.* Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. 75 с. (Известия ГАИМК, 97).
- Струве В.В.* История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 483 с.
- Тураев Б.А.* Восток древний // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Ф.А. Брокгауз - И. А. Ефрон, 1892. Т. 7. С. 285–289.
- Тураев Б.А.* История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935. Т. 1–2.
- Шофман А.С.* Исторические судьбы мировых государств древности // Большевик. 1943. № 78. С. 44–49.
- Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 224 с.
- Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея // Мир историка. Омск, 2009. Вып. 5. С. 370–417.
- Якобсон В.А.* Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии // Государство на древнем Востоке. М.: Вост. лит., 2004. С. 124–132.
- Янковская Н.Б.* Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы // Вестник древней истории. 1956. № 1. С. 28–46.
- Goldstone J.A., Haldon J.F.* Ancient States, Empires, and Exploitation. Problems and Perspectives // The Dynamics of Ancient Empires. State Power from Assyria to Byzantium. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 3–29.
- Ladynin I.A.* The Near Eastern Empires of the First Millennium B.C. in Terms of Ancient Egyptian Texts: The Name *Stt/Stt* // Scripta antiqua. М.: Собрание, 2011. Вып. 1. С. 316–345.
- Lotito M.A.* The Reformation of Historical Thought. Leiden: Brill, 2019. XX. 542 p. (St. Andrews Studies in Reformation History, 16).
- Maspero G.* Histoire ancienne des peuples de l’Orient classique. Paris: Hachette, 1895–1899. Т. 1–3.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.09.2020

“WORLD EMPIRES” OF THE ANCIENT NEAR EAST OF THE FIRST MILLENNIUM B.C. IN THE THEORETICAL SCHEMES OF SOVIET AND POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

I. A. Ladynin

Lomonosov Moscow State University, 27, building 4, Lomonosovskiy ave., 119192, Moscow, Russia
National Research University “Higher School of Economics”, 21/4, building 3, Staraya Basmannaya str.,
105066, Moscow, Russia
ladynin@mail.ru
iladynin@hse.ru
ORCID: 0000-0002-8779-993X
ResearcherID: J-3968-2016
Scopus Author ID: 39764478000

A feature of the Near Eastern history, observed in antiquity and in the Middle Ages in the first millennium B.C., is the emergence of vast centralized interregional states succeeding one another. In the late 19th century, the French Egyptologist Gaston Maspero showed that this was a gradual stage of integration of the microregion (following the interaction of the superpowers of the Late Bronze Age), and this point of view was shared by the Russian pre-revolutionary scholars N. Kareev and B. Turaev. Soviet research could not ignore the phenomenon, but had to put it in the context of the Marxist categories of the socio-economic “basis” and the political “superstructure”; oddly, an approach to the problem in the 1930s – 1950s was affected by Stalin’s own words about the transience of “Cyrus’ and Alexander’s empires”. However, starting with the work on the multivolume *World History* in the mid-1950s, the Near Eastern empires were treated as an important, moreover, a diagnostic feature of the second part of antiquity following the transition to the Iron Age. The paramount role in formulating this point belonged to Igor Diakonoff and his colleagues, who explained the emergence of empires by the processes within the oldest societies of the region (their alleged “crisis” in the late second millennium B.C.) and by the need to integrate the region between the center (irrigational societies) and periphery (regions supplying raw materials). Post-Soviet research has developed the theme rather meagerly. A factor strangely overlooked in the forwarded schemes is the rapid economic development of the Near Eastern societies having entered the Iron Age, which backed the demand for their firm political integration.

Key words: interregional states, the Near East, antiquity.

References

- “An account on the discussion of a book on the Ancient Orient” (1938), *Istoriik-marksist*, № 1, pp. 111–119.
- Almazova, N.S. (2019), “The General Concept of Ancient History of Robert Yu. Vipper in his Works of the Pre-revolutionary Years”, *Aristeas*, vol. 20, pp. 260–283.
- Avdiev, V.I. (1938), “Rev.: The History of the Ancient World. Vol. 1: Ancient Orient, Moscow, 1936”, *Istoriik-marksist*, № 1, pp. 120–126.
- Dandamayev, M.A. (1998), “Official ideology and private life in the Achaemenid empire”, *Vestnik drevney istorii*, № 1, pp. 48–56.
- Diakonoff, I.M. & V.A. Yakobson (1982), “‘Nome states’, ‘territorial kingdoms’, *poleis* and ‘empires’. Problems of typology”, *Vestnik drevney istorii*, № 2, pp. 3–16.
- Diakonoff, I.M. & V.A. Yakobson (1998), “Ancient Civil Society”, *Vestnik drevney istorii*, № 1, pp. 22–30.
- Diakonoff, I.M. (1949), *Razvitie zemel'nykh otnoшений v Assirii* [The development of rural relations at Assyria], Izd-vo LGU, Leningrad, Russia, 152 p.
- Diakonoff, I.M. (1963), “Rural community at the Ancient Orient in the works of Soviet researchers”, *Vestnik drevney istorii*, № 1, pp. 16–34.
- Diakonoff, I.M. (1968), “Problems of economics. The structure of Near Eastern society to the middle of the second millennium B.C.”, *Vestnik drevney istorii*, № 4, pp. 3–40.
- Diakonoff, I.M. (1971), “Main features of the ancient society (review based on the data of Western Asia)”, in *Problemy dokapitalisticheskikh obshchestv v stranah Vostoka* [Problems of the pre-capitalist societies in the countries of Orient], Nauka, Moscow, Russia, pp. 127–146.
- Diakonoff, I.M. (1994), *Puti istorii: ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [Paths of history: from the earliest humans to nowadays], Nauka, Moscow, Russia, 384 p.
- Diakonoff, I.M. (1995), *Kniga vospominaniy* [Book of memoirs], Evropeyskiy dom, St. Petersburg, Russia, 766 p.
- Diakonoff, M.M. (1961), *Ocherk istorii drevnego Irana* [Outline of the history of Ancient Iran], Izdatel'stvo vostochnoy literatury, Moscow, Russia, 444 p.
- Goldstone, J.A. & J.F. Haldon (2009), “Ancient States, Empires, and Exploitation. Problems and Perspectives”, in *The Dynamics of Ancient Empires. State Power from Assyria to Byzantium*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 3–29.
- Istoriya drevnego mira (1989): *Istoriya drevnego mira* [The history of the ancient world], 3rd ed., 3 vols, Nauka, Moscow, Russia.
- Istoriya drevnego mira (1936), *Istoriya drevnego mira. T. 1: Drevniy Vostok* [The history of the ancient world. Vol. 1: Ancient Orient], Sotsekgiz, Moscow, Russia, 445 p.
- Istoriya Vostoka (1997), *Istoriya Vostoka. T. 1: Vostok v drevnosti* [The history of Orient. Vol. 1: Orient in Antiquity], Vostochnaya literature, Moscow, Russia, 688 p.
- Kareev, N.I. (1903), *Glavnye obobshcheniya vseмирnoy istorii* [Main generalizations of the world history], Tip. M. Stasyulevicha, St. Petersburg, Russia, XXVI, 148 p.
- Kovalev, S.I. (1936), *Istoriya antichnogo obshchestva. Chast' 2: Ellinizm, Rim* [The history of classical society. Pt. 2: Hellenism, Rome], Sotsekgiz, Leningrad, Russia, 318 p.
- Kudryavtsev, O.V. (1952), “Ancient history in the *World History* being prepared by the USSR Academy of Sciences”, *Vestnik drevney istorii*, № 1, pp. 3–16.
- Kudryavtsev, O.V. (1957), *Issledovaniya po istorii Balkano-Dunaiskikh oblastey v period Rimskoy imperii i statyi po obshchim problemam drevney istorii* [Studies in the history of the Balkan and Danube provinces under

- the Roman Empire and papers on the general problems of ancient history], US Izd-vo AN SSSR, Moscow, Russia, 411 p.
- Ladynin, I.A. (2011), "The Near Eastern empires of the first millennium B.C. in terms of Ancient Egyptian texts: the name *Stt/Stt'*", in *Scripta antiqua* [Scripta antiqua], vol. 1, Sobranie, Moscow, Russia, pp. 316–345.
- Ladynin, I.A. (2019), "The concept of the "Ancient Orient" in the Russian and Soviet scholarship of the 20th century", *Vestnik drevney istorii*, vol. 79/3, pp. 772–796.
- Lotito, M.A. (2019), *The Reformation of Historical Thought (St. Andrews Studies in Reformation History, 16)*, Brill, Leiden, Netherlands, XX, 542 p.
- Maspero, G. (1895-1899), *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, 3 vols, Hachette, Paris, France.
- Sarkisyan, G.H. (1952), "Self-governing city of Seleucid Babylonia", *Vestnik drevney istorii*, № 1, pp. 68–83.
- Sarkisyan, G.Kh. (1960), *Tigranakert: iz istorii drevnearmyanskikh gorodskikh obshchin* [Tigranakert: From the History of the Ancient Armenian City-Communities], Izdatelstvo vostochnoy literatury, Moscow, Russia, 158 p.
- Shofman, A.S. (1943), "The historical destinies of the ancient world-states", *Bolshevik*, № 78, pp. 44–49.
- Shofman, A.S. (1984), *Raspad imperii Aleksandra Makedonskogo* [The dissolution of the empire of Alexander of Macedonia], Izd-vo Kazan. un-ta, Kazan', Russia, 224 p.
- Shofman, A.S. (2009), "Prometheus' fire will not cease", in *Mir istorika* [World of a historian], vol. 5, Omsk University Press, Omsk, Russia, pp. 370–417.
- Stalin, I.V. (1946), *Sochineniya* [Works], vol. 2, OGIZ; Gospolitizdat, Moscow, Russia, 427 p.
- Stalin, I.V. (1953), *Marksizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and problems of linguistics], Gospolitizdat, Moscow, Russia, 55 p.
- Struve, V.V. (1941), *Istoriya drevnego Vostoka* [The history of the Ancient Orient], OGIZ; Gospolitizdat, Leningrad, Russia, 483 p.
- Struve, V.V. (1934), *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevnego Vostoka (Izvestiya GAIMK, 97)* [Essays on the social and economic history of the Ancient Orient (Proceedings of GAIMK)], OGIZ, Moscow, Leningrad, Russia, 75 p.
- Turaev, B.A. (1892), [Orient, Ancient], in *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary], vol. VII, F.A. Brokgauz - I.A. Efron, St. Petersburg, Russia, pp. 285–289.
- Turaev, B.A. (1935), *Istoriya drevnego Vostoka* [The history of the Ancient Orient], OGIZ; Sotsekgiz, Leningrad, Russia, vol. 1–2.
- Vsemirnaya istoriya (1955-1965), *Vsemirnaya istoriya* [The world history], 10 vols, Gospolitizdat, Moscow, Russia.
- Vsemirnaya istoriya (2011), *Vsemirnaya istoriya. T. 1: Drevniy mir* [The world history. Vol. 1: The Ancient World], vol. 1, Nauka, Moscow, Russia, 822 p.
- Yakobson, V.A. (2004), "The making of empire and imperial ideology in ancient Mesopotamia", in *Gosudarstvo na drevnem Vostoke* [State in the Ancient Orient], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 124–132.
- Yankovskaya, N.B. (1956), "Some questions of the economy of the Assyrian empire", *Vestnik drevney istorii*, № 1, pp. 28–46.